

Владимир Манакин

Теоретическое и лексикографическое описание русской безэквивалентной лексики в славянском языковом пространстве

Studia Rossica Posnaniensia 28, 105-111

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РУССКОЙ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

THEORETICAL AND LEXICOGRAPHICAL DESCRIPTION
OF RUSSIAN LEXICAL UNITS HAVING NO COUNTERPARTS
IN OTHER SLAVONIC LANGUAGES

ВЛАДИМИР МАНАКИН

ABSTRACT. The article is an attempt to describe Russian specific lexical items in relation to nomination means peculiar to other Slavonic languages. The author classifies the words in accordance with some theoretical and lexicographical notions drawn from the semantic studies within the semantic sphere of Slavonic languages.

Владимир Манакин, Кировоградский государственный педагогический университет им. В. Винниченко, Кафедра русского языка и общего языкознания, ул. Волкова 14, корп. 2, 316050 Кировоград, Украина.

Известно, что слово, являясь центральной лингвистической единицей, выступает одновременно и как реалия культурологического порядка, как способ фиксации представлений социума о сознании-реальности и себя о нем. Такое понимание языка восходит к идеям В. Гумбольдта, который рассматривал языки как разные видения мира¹. „Меня, – писал великий немецкий лингвист, – привлекает... высшее наслаждение – с каждым новым языком приобщаться к новой системе мыслей и чувств”². Эта система мыслей и чувств есть ничем иным, как этническим сознанием, которое растворено в лингвистической картине мира отдельной национальной общности и, в свою очередь, является сегментным образованием общечеловеческой языковой картины мира, то есть того миропорядка, который управляется законами общечеловеческого языка на ноосферическом уровне.

Различие языковых культур наиболее ярко проявляется при так называемом контрастивном анализе, который позволяет увидеть различия на фоне сходств. На лексическом уровне контрастивный анализ различий

---

¹ В. фон Гумбольдт, *Язык и философия культуры*, Москва 1985.

² Там же.

имеет разную степень, что находит отражение в способах семасиологического представления типов отношений сравниваемых слов в разных языках. Имеются в виду прежде всего три основных типа семантических коррелятивов: собственно эквивалентность (совпадение) слов, а также отношения включения и пересечения лексических соответствий сопоставляемых языков³. Отношение безэквивалентности – предмет непосредственных наших рассуждений – это такие случаи, когда несовпадающая часть охватывает ядерные семы в структуре лексических значений. В переводе такие значения не могут быть полноценными эквивалентами, так как они в большинстве своем отражают специфические для данного социума предметы и связанные с ними понятия.

О словах данной группы написано немало, главным образом специалистами в области перевода⁴. Чаще всего для обозначения специфических иноязычных слов используют термины „безэквивалентная лексика“, „экзотическая лексика“ („экзотизмы“); наряду с ними нередко в том же или близком значении используются термины „варваризмы“, „локализмы“, „этнографизмы“, „этнолексемы“, „страноведческая лексика“, „фоновые слова“, „слова с культурным компонентом“, „лакуны“, „пробелы“ и др. Многообразие терминов в данном случае – свидетельство не столько разногласия мнений, что свойственно науке, а, скорее, это результат разноаспектности рассмотрения данной части лексики в зависимости от целей или направленности изучения безэквивалентных слов. В собственно лингвистическом (лексико-семасиологическом) плане большинство из приведенных терминов можно считать соотносительными основному и наиболее распространенному наименованию – „безэквивалентная лексика“, которая объединяет слова, отсутствующие в другой языковой культуре.

О безэквивалентной лексике какого-либо языка обычно говорят только по отношению данного языка к другому (другим), где нет подобных лексических соответствий. То, что в одном языке является безэквивалентным по отношению к другому языку, может существовать в каком-нибудь третьем языке. Например, русские слова *квас*, *кириллица* безэквивалентны по отношению к романским или германским языкам, но не по отношению ко многим славянским, где они тоже есть. И вот здесь проявляется очень важный вопрос о специфике теоретического и практического описания безэквивалентной лексики, определения ее границ и особенностей классификации в близкородственных, в данном случае славянских, языках. Не секрет, что русская безэквивалентная лексика хорошо

---

³ Подробнее см.: В.Н. М а н а к и н, *Основы контрастивной лексикологии, Близкородственные и родственные языки*, Киев-Кировоград 1994.

⁴ Обзор см. в: С. В л а х о в, С. Ф л о р и н, *Непереводимое в переводе*, Москва 1986, с. 44-45.

изучена по отношению к западноевропейским языкам. Специальных работ, посвященных исследованию безэквивалентности слов в языках родственных, славянских, практически нет. В целом же это очень интересное и перспективное направление, которое поможет открыть через язык богатейшие особенности национальных культур близких, но, к сожалению, не всегда в достаточной степени известных друг другу славянских народов.

С точки зрения денотации, основной фонд, центр безэквивалентной лексики составляют так называемые слова-реалии, то есть слова, которые не имеют аналогов в других языках в силу отсутствия объекта наименования. Слова-реалии выделяются в составе лексической системы без помощи другого лингвистического кода.

С точки зрения характера номинации, слова-реалии поддаются обычной тематической классификации, основные ячейки которой охватывают обозначения предметов материальной и духовной культуры. Это: 1) наименования предметов домашнего обихода (*думка* – ‘маленькая подушечка’, *волосяник* – ‘тюфяк из волоса’, *жирник* – ‘светильник на жиру или масле’); 2) наименования одежды (*косоворотка* – ‘мужская рубашка со стоячим воротом’, *кацавейка* – ‘русская женская верхняя одежда, сарафан’); 3) названия кулинарных изделий, напитков (*бешамель* – ‘густой соус из яиц, молока и муки’, *ботвинья* – ‘холодное кушанье из кваса с отварной ботвой свеклы, луком и рыбой’, *щи* – ‘жидкое кушанье из рубленой капусты’, *медовуха* – ‘хмельной напиток из меда’); 4) названия простейших орудий труда (*горбуша* – ‘сельскохозяйственное орудие, коса с короткой ручкой’, *сечка* – ‘широкий полукруглый нож для капусты’); 5) названия растительного и животного мира (*брусника* – ‘мелкий ягодный дикорастущий кустарник и его ягоды’, *левкой* – ‘травянистое душистое растение’, *поленика* – ‘северное травянистое растение с темно-красными ягодами’); 6) названия строений и их частей (*изба*, *терем*, *полотенце* – ‘резное продолговатое украшение избы’); 7) названия лиц (*шудушка* – ‘лицемер’ – по прозвищу героя романа Салтыкова-Щедрина, *зюзя* – ‘о совершенно мокром или пьяном’) и т.п.

Отдельную рубрику составляют наименования исторических реалий, которые, в свою очередь, также подразделяются на перечисленные выше классы, а именно: а) названия одежды (*архалук* – ‘в старину – род короткого кафтана’, *расстегай* – ‘старинный распашной сарафан’, *охабень* – ‘старинная русская широкая одежда в виде кафтана’, *кокошник* – ‘старинный женский головной убор’); б) названия домашней утвари (*ендова* – ‘старинная русская посуда для вина в виде широкой чаши’, *братина* – ‘старинный большой шаровидный сосуд для напитков’); в) названия лиц – исторических реалий (*боярин*, *крепостной*, *опричник* и т.п.); г) наименования оружия и воинских доспехов (*пищаль*, *бердыш*); д) названия единиц меры, денег (*сороковка*, *пятерик*, *аршин*, *локоть*), а также мно-

гие другие наименования, которые достаточно прозрачно укладываются в идеографическую сеть классификации.

Перечисленные тематические группы классификации безэквивалентной лексики могут, как представляется, послужить основой для составления особого словаря, построенного по идеографическому, а не обычному алфавитному принципу. Идеографический принцип лексикографического представления любой части лексики более приемлем прежде всего в учебных целях, а когда речь идет о безэквивалентной лексике, которая отражает национальную специфику, историю, традиции и особенности быта народов, то здесь идеография окажет незаменимую услугу как обучающимся, так и тем, кто обучает, в данном случае РКИ.

Итак, центр безэквивалентной лексики составляют слова-реалии, которые не имеют аналогов в других языковых культурах и служат основным источником информации об истории и жизни определенного этноса. Одним из признаков, отличающим слова-реалии от других разновидностей безэквивалентной лексики, является то, что слова-реалии являются реалиями безотносительно к тому или иному языку, а безэквивалентность устанавливается, как правило (о том, что есть исключения, – ниже), в рамках данной пары языков. Из этого следует, что списки слов-реалий в принципе должны быть непересекающимися по отношению к разным языкам и составление их, например для славянского языкового единства, даст богатейшую информацию о специфике жизни очень близких, но в то же время разных народов Славии. На практике это должен быть своеобразный лингвостнографический атлас слов-реалий, куда бы вошли и перечисленные выше русские наименования, и подобные украинские (типа *полонина* – ‘участок безлесья в Карпатах’, *бандура*, *трембіта* – ‘украинские народные музыкальные инструменты’), польские (ср. *Korona* – ист. ‘Польское королевство как часть польско-литовского государства’), чешские (ср. *mai* – ‘символ весны: высокое срубленное дерево, украшенное цветами и лентами, которое по традиции ставили в Чехии и Словакии в день первого мая’), болгарские (ср. *гайда* – ‘народный музыкальный инструмент, волынка’) и другие славянские наименования. Думается, что осуществление данного проекта вполне возможно совместными скоординированными усилиями славистов разных исследовательских центров славянских государств.

Периферию безэквивалентной лексики составляет так называемая гипонимическая лексика. Это лексика, которая фиксирует угол представления, призму видения реальности определенным национальным социумом. Гипонимия безэквивалентных слов близкородственных языковых культур – это соотносительность с понятиями, объемы которых соотносятся по принципу включения. Критерием разграничения этой части лексики от слов-реалий является их переводимость средствами другого языка, сочетаниями слов или другими описательными способами (слова-реалии,

как известно, передаются транслитерацией). Из этого следует, что в отличие от слов-реалий, которые являются таковыми безотносительно к языку-перевода, гипонимическая безэквивалентная лексика устанавливается только в рамках данной пары языков. Например, в русско-украинском дихотомическом соотношении это могут быть такие варианты: рус. *кухлянка* – укр. *хутряна сорочка*, рус. *чилибуха* – укр. *блювотний горіх*, укр. *надоїда* – рус. *надоедливый человек*, укр. *хрущ* – рус. *майский жук* и т.п. Однако внимательное рассмотрение подобных лексико-семантических соответствий среди других славянских языков опровергает утвердившееся в науке мнение о том, что подобные наименования релевантны только на уровне попарного языкового сопоставления. Материал славянских языков дает возможность установить свои, специфически-славянские границы безэквивалентных гипонимических наименований одновременно между несколькими языками. Скажем, такие понятия, как ‘срезанная ветка’ (укр. *різка*), ‘левая рука’ (укр. *лівиця*), ‘верхние ветви деревьев’ (укр. *верховіття*), безусловно, не являются специфическими в прямом смысле и имеют однокоренные соответствия одновременно в нескольких славянских языках. Конечно, следует иметь в виду, что, развившись из этимологически общих корней, подобные соответствия в разных славянских языках могли приобрести свои семантические наслоения или изменения. Сравним отсутствующее в русском и других славянских языках наименование, которое в макед. звучит как *летина* ‘годовой урожай’, в с.-х. *пъѣтина* с такой же семантикой, в слов. *letina*, но уже со значением ‘год относительно урожая’, в словц. *letina* – это ‘сушеные ветки с листьями для корма овец’ (подобное значение встречается также в чешском диалектном *letina*) и т.п. Сопоставление подобных наименований выходит, как видим, за рамки предмета описания – безэквивалентной лексики, но в отдельных случаях является все же необходимым для обнаружения путей формирования подобных гипонимов в разных сопоставляемых языках, что также составляет неотъемлемую часть лингвокультурологической информации, но уже в диахроническом аспекте.

Особую разновидность гипонимической безэквивалентной лексики составляют лексические единицы, содержащие вторичную номинацию. Это так называемые слова-эвритоны (от гр. εὐρετόν ‘то, что найдено’), или эзотерические (со скрытым смыслом) слова. Они обнаруживают характерологические и аксиологические (оценочные) свойства, которые социумы приписывают, как правило, людям через известные названия животных, птиц, насекомых. Это слова, переносные значения которых являются специфическими для разных языков или групп языков, типа рус. *стрекоза* – ‘о бойкой, подвижной девочке’, *глухарь* – ‘о человеке, избегающем общества’, *тетеря* – ‘о глупом или неповоротливом человеке’ и т.п. Специфика данной части лексики тем ярче, чем отдаленнее языковые культуры: представление о труженике в русском и некото-

рых других славянских языках ассоциируется со словом *муравей*, а у казахов – это *паук*, тогда как, например, в украинском *паук* символизирует нечто отрицательное, что отражено в сравнении „глитай, або ж павук”.

Таким образом, гипонимическая безэквивалентная лексика (по другой терминологии – „самобытные слова”, „универбы”), не являясь специфической в денотативно-семасиологическом плане, несет на себе отпечаток специфического в плане ономазиологическом, то есть в плане неодинакового членения реальности разными языковыми культурами, которое осуществляется в зависимости от хозяйственно-экономической жизни социума, климатических, географических и других факторов. Отсюда имеем, например, наличие большого числа названий для обозначения льда в языке эскимосов, названий верблюдов в арабских диалектах, в славянских языках – это огромное количество для обозначений вола, что также вполне объяснимо (в украинском языке имеется более 70 названий этого домашнего животного).

К гипонимической безэквивалентной лексике следует отнести и такие наименования, семантика которых в других языках хранится на невербальном уровне и только при необходимости может быть воспроизведена описательно (эксплицирована) при помощи языка. Так, например, в русском литературном языке нет слова, соотнесенного по значению с укр. *ступак* – ‘загнутый верхний край лопаты, на который упираются ногой при копке’. Однако это вовсе не говорит о специфичности данного понятия в украинской или другой языковой культуре: оно (это понятие) просто осталось незамеченным русским и другими языками, но не сознанием людей, которое отражает мир не только вербально. Естественно при этом, что способ словесной экспликации подобных понятий в близкородственных языковых культурах будет более простым и понятным, чем в языках, генетически отдаленных друг от друга.

Особую разновидность безэквивалентной лексики составляют фразеологически связанные слова, то есть такие, которые входят в состав фразеологизмов – языковых единиц, наиболее ярко отражающих национально-языковую специфику. Подчеркнем, что речь идет не о самих фразеологизмах, эквивалентная соотнесенность которых в разных языках является специальным предметом рассмотрения, а о словах, являющихся специфическими для определенных языков и встречающихся только в составе ФЕ. Например, для русских фразеологизмов „Карачун пришел” (о внезапной смерти) – это слово *карачун*, „Живмя жить” (жить или бывать где-либо постоянно) – наречие *живмя*, „Вещий каурка” (*каурый* – особой расцветки – конь в русском фольклоре), „Точить лясы” (заниматься болтовней) – *лясы* (от *балаысыны*) и т.п. Анализ и осмысление данной разновидности безэквивалентной лексики также составляет особую проблему в лингвокультурологическом аспекте.

Таким образом, безэквивалентная лексика как предмет особого описания по отношению к разным славянским языкам представляет собой достаточно большие и неоднородные пласты слов как по своей семантике, так и по способам номинации в ономаσιологическом плане. Являясь специфической частью лексикона, безэквивалентные слова в близкородственном славянском языковом пространстве имеют свои особенности на фоне языков генетически более отдаленных, особенности, которые следует учитывать как в теории, так и в практике лингвистического описания и изучения данных слов. Насущной задачей является подготовка обширного лексикографического атласа безэквивалентной лексики славянских языков, что будет иметь огромное значение для этнографии, культурологии и славистики в целом.